

ГАСТОН

ВОЗВРАТУ НЕ ПОДЛЕЖИТ

ИВ ГОТЪЕ

Ив Готье

Гастон. Возврату не подлежит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74449481

Гастон. Возврату не подлежит:

ISBN 9785002725069

Аннотация

Как оставаться самим собой в чужом мире и как сохранить инакость? И нужно ли ее сохранять? Возможно, герой книги – парижанин Гастон Тивет – вечерами в своей квартирке в маленьком советском городе Шостка не мучился такими философскими вопросами. Но повествование о необычной и невыдуманной судьбе героя заставляет задуматься над этим. Одновременно вольно и невольно, по желанию и принудительно Гастон остался в СССР на долгие годы. Судьба Гастона может стать своеобразным пазлом почти шекспировской мозаики жизненных коллизий, которые таит в себе такое массовое и неоднозначное явление XX и теперь уже XXI века, как репатриация.

Ив Готье – французский писатель, переводчик русской литературы. С Гастоном Тиветом он познакомился еще в СССР. Спустя десятилетия писатель собрал по письмам, документам, голосам родных эту книгу. Русский текст – авторский перевод с французского. Готье пишет как человек, познавший Россию

изнутри, – с той редкой смесью нежности, иронии и точности, какая дается, когда чужая земля становится близкой.

Содержание

I	10
II	15
III	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ив Готье

Гастон. Возврату

не подлежит

Знак информационной продукции (Федеральный закон
№ 436–ФЗ от 29.12.2010 г.)

Авторский перевод с французского

Литературный редактор: *Ирина Барметова*

Издатель: *Павел Подкосов*

Главный редактор: *Татьяна Соловьёва*

Руководитель проекта: *Ирина Серёгина*

Художественное оформление и макет: *Юрий Буга*

Корректоры: *Ольга Петрова, Зоя Скобелкина*

Верстка: *Андрей Ларионов*

Дизайн обложки: *Яна Сергеева*

© Éditions Paulsen, 2023

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2026

* * *

ИВ ГОТЬЕ

ГАСТОН

ВОЗВРАТУ НЕ ПОДЛЕЖИТ

*авторский
перевод с французского*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

I

«Апартаменты – это для буржуа...»

«Huit, rue Tsiolkovski»¹. Я отчетливо расслышал в телефоне адрес, все, кроме квартиры, поэтому переспросил:

– Appartement numéro?..²

На том конце провода воцарилось молчание. Как сейчас помню тот телефонный аппарат, с которого звонил. Яркого-красного цвета, с вращающимся диском, в народе его называли «тюльпаном» – по имени польского производителя: Telkom Tulipan. Такой роскошный телефон был далеко не у всех. В трубке зашуршало, и он сказал:

– Quarante-trois³.

Он произнес это с абсолютно парижским прононсом – гортанным, протяжным, при котором слова клубились, грасировали в горле, а затем легко и свободно слетали с полураскрытых губ... Слышалась в этом выговоре горделивая небрежность парижан былых времен XVII округа. Голос в трубке смахивал на голоса со старинных виниловых пластинок или героев фильма Марселя Карне. А уж французский, звучащий в небольшом городке советской Украины в

¹ Улица Циолковского, дом восемь (фр.). – Прим. ред.

² Апартаменты номер?... (фр.). – Прим. ред.

³ Сорок три (фр.). – Прим. ред.

1981 году, – вещь совершенно необычная. С этого момента Гастон меня заинтриговал.

Гастон сообщил, что всю неделю работает и поэтому приглашает меня к себе домой в следующее воскресенье.

Жил он в небольшой квартире пятиэтажного дома из белого силикатного кирпича, который беспорядочно обступили березы, ивы, акации и тополя. От былых клумб оставались лишь разбитые бордюры. Тротуар, проезжая часть и дикорастущая трава слились воедино, и только стихийные пешеходные тропинки и следы шин перерезали это пространство. Лужи оживляли картину двора. Перед каждым подъездом стояли напротив друг друга две скамейки, где дежурили местные кумушки. В поисках нужного подъезда я обратился к ним:

– Где живет Любовь Ивановна? Семья Климовых.

По глазам одной было видно, что она не понимает, о ком речь. Но соседка ткнула ее локтем в бок:

– Гастонша же.

«Гастонша»! Я попал по адресу.

Гастона я застал в семейном кругу: жена Любовь, Люба, один из сыновей и внуки.

– Хоть бы предупредил, – упрекнула Люба. – Твой земляк – и у нас в гостях!

И правда, такого еще никогда не случалось.

Гастон улыбнулся и повернулся ко мне:

– По телефону я не поверил, что вы француз. Я подумал,

что вам просто захотелось попрактиковаться со мною в языке. Ну, студент, например, мало ли я таких видал.

– Но... почему?

– Вы спросили про квартиру – апартаменты. Апааааартаменты (appâartement – с ударением на протяжное «aaa»), appâartement – это для буржуа. А рабочие, они живут в квартирах (logement, lôdôgement). – И снова улыбнулся. – Appâartement, appâartement... – иронично повторял он.

Он повторял, а я так и видел актрису Арлетти на легендарном мостике канала Сен-Мартен, произносящую слово «атмосфера» – «атмосфэр» из фильма «Северный отель» того же Марселя Карне... Самая крылатая реплика французского кино. «Атмосфэр, атмосфэр...» Продолжение напрашивалось само собой: «Не приплетай мне сюда [апартаменты]!» Вместо чего Гастон одарил меня веселым мягким взглядом.

Этот прежний голос Парижа приводил меня в восторг. Скромному люду – жилье, избранным – апартаменты. Гастон оставался в той давней Франции, где *апартаменты* были уделом сильных мира сего: гостиная, вестибюль, кабинет, галерея и все такое.

Так прошла наша первая встреча. Стол был уставлен разными салатами, слабосоленой селедкой, маринованными помидорами и холодными закусками с хреном. Как водится за трапезой, мы рассуждали о еде: что едят здесь, а что – там. О Гастоне я знал немного – лишь то, что волею судьбы его выбросило из Парижа сюда, на Украину, в конце Второй ми-

ровой войны. С тех пор он так и осел «в этом захолустье» (его слова), поневоле отрезанный от родных мест – районов Эпинетт и Батиньоль⁴, от своего Парижа.

Меня тянуло к Гастону. С каждым приездом в этот город я рвался к нему в гости. Это походило на некий ритуал. Мы встречались и в весенние праздники, особенно на Первомай, когда я ходил на демонстрацию смотреть, как люди исполняют свой общественный долг. Чтобы не разминуться с Гастоном, я вставал среди зевак ниже трибуны руководителей. Над нами нависала фигура главы города, по-нынешнему мэра, это была дама по имени Сталина с высокой – с Эльбрус – прической, похожей на настоящее кондитерское изделие. Из «кондитерского изделия» на ветру вырывались светлые пряди, реявшие на фоне красных флагов. Демонстранты несли на плечах портреты великих апологетов пролетарского труда, написанные маслом: Ленин и Энгельс – суровые, словно вырезанные ножом; Маркс – веселый, с кудрявой бородой, тщательно прописанной тонкой кистью. Гигантские лики плыли над толпой, словно океанские лайнеры по фарватеру.

⁴ Батиньоль когда-то был самостоятельным поселком на окраине Парижа. В 1860 году, в ходе масштабной перестройки столицы при Наполеоне III, он вошел в состав города. В XIX веке Батиньоль отличался насыщенной культурной жизнью: здесь жил художник Эдуард Мане и собирались его единомышленники, вошедшие в историю как группа Батиньоля. Вместе с тем район сохранял народный и рабочий характер – здесь располагались фабрики, мастерские и ремесленные предприятия. Район так и прославился как уникальный сплав сельского прошлого, творческой жизни и рабочего быта. – *Прим. ред.*

Миновав официальные трибуны, шествие постепенно распадалось, сохраняя при этом видимость порядка: школа за школой, учреждение за учреждением, завод за заводом, цех за цехом. Ряды понемногу размыкались, лица очеловечивались, колонны тянулись к возлияниям. Я же ждал цех кинофабрики № 23 – цех Гастона. Наконец он появлялся – жизнерадостный, в вельветовых брюках в крупный рубчик и шерстяной куртке. Многие подходили, пожимали ему руку: «Шарлович», «Шарлович»... Гастон Шарлович. Личность.

II

Зинаида Афанасьевна

В жизни ее звали иначе. Я дал ей другое имя без умысла исказить или представить ее в ложном свете, но с нежностью и без всякого лукавства. Зинаида Афанасьевна любила все и сразу: прозу и поэзию, русский и украинский, книги и кино, доверительную откровенность и общепринятые устои, город и деревню, сало и игристое вино, музыку и науку. Прирожденная сказительница, она превращала любой рассказ в полноценное повествование: детские воспоминания, способ изготовления в деревенских условиях сливочного масла, каж-додневные проблемы на работе, любые эмоции, физическая боль, случайная встреча – все в ее устах обретало объем и краски. В те доинтернетовские времена она писала письма, наполненные сочными образами. Нередко в лирическом порыве изъяснялась стихами.

Она умела играть на цыганской семиструнной гитаре, водить мотоцикл, управлять автомобилем. Все, что она делала сейчас или когда-либо, она делала увлеченно, с азартом. Она пела по любому поводу и без. Аккомпанировала себе ложками или тем, что попадалось под руку: мухобойкой ли, рожком для обуви, щеткой для одежды... При этом ее голос взмывал ввысь, не претендуя на чистое, хрустальное звуча-

ние. Скорее это был растрепанный, раскрепощенный порыв звуков, от которых требовалось всего три вещи: безудержная свобода, сострадание и душевность. В равной мере им позволялось быть печальными или радостными.

Если твой зять француз (речь обо мне), то в провинциальном советском городке нужно было иметь, по меткому французскому выражению, *le cœur au ventre* – «сердце в животе». То есть обладать стойкостью, держаться как корень в земле.

Дорога на работу Зинаиды проходит через рынок. И вот там, среди лотков с яблоками – душистыми, ни с чем не сравнимыми украинскими яблоками, она наталкивается на тетеньку с почты, которая работает на перлюстрации (или на тетю с перлюстрации, которая работает на почте, – поди разберись, как оно у них там устроено).

– О-о-о! Зинаида Афанасьевна, у вас опять письма от французов. Растут же у вас внуки! И фотографии какие красивые... цветные! Одно удовольствие. Да еще и с теплыми словами. Зайдите-ка в отдел – я вам все и отдам. На неделю раньше получите. Конверты можно ведь не клеивать, да? Заодно посмотрите и мою коронку. И пломбу – вот здесь. – Дама-перлюстратор посреди рынка широко открывает рот, демонстрируя темную бездну своей пасти.

Зинаида Афанасьевна – стоматолог и весь город «держит за зубы». Даже Гастон, сделавший скрытность своим жизненным принципом, был вынужден поведать ей некоторые эпизоды своей жизненной истории. Когда бормашина рычит

тебе в лицо, попробуй не отвечать на «допросе». Именно карьерес Гастона позволил мне узнать о его эпоее.

Я был нетерпелив в поисках Гастона, торопил Зинаиду. Она покрутила диск своего красного «тюльпана» и дозвонилась до отдела кадров кинофабрики. Теща объяснила, что хочет «поговорить с французом». Разве можно было отказать той, к кому понадобилось бы срочно обратиться с зубной болью? Иначе придется потом часами стоять в поликлинике в смутной надежде получить талон на прием к дантисту. Тогда за Гастоном сходили в цех № 23, и вот я уже как бы очутился в звуковом треке в духе Марселя Карне, где мы выясняли номер квартиры или апартаментов.

Как правило, теща – герой отрицательный, фигура по-пранная; потянет на целый книжный стеллаж: «500 лучших анекдотов про тещ», «Как избавиться от...» и прочая чепуха.

Но Зинаида была иной: свет, слово и музыка.

III

А места тут селитряные

В начале была пороховая фабрика. Здесь по велению Петра Великого добывали селитру. Собственно, если и знатно это место, то тем, что было основано императорским указом. Поселок окрестили Шосткой – по имени речушки, которая лениво протекает через него к прекрасной Десне, прозванной Очарованной, притоку Днепра. Ни один поэт никогда не воспел ни реку Шостку, ни одноименный городок. Ни один писатель – известный или безвестный. Ни одного кадра в кино, ни одной цитаты. Ни романа, ни песни, ни малейшей лирической аллюзии – ничего. Не существует путеводителя, страницы ли, абзаца, ему посвященных. Есть ли на свете человек, который мог бы сказать: «Я совершил тур в Шостку»? Нигде не прочтешь: «Такой-то великий человек останавливался здесь в такой-то гостинице по дороге туда-то». Нет таких табличек. Шостка девственна по части мифов, легенд, историй, диковин и туристов. «Захолустье», – говорил Гастон, уроженец парижского квартала Батиньоль, такого рабочего, народного, живого, вдохновлявшего бесчисленное множество кинематографистов, романистов, поэтов и певцов.

(Впрочем, я все же несправедлив. Шосткинцы возразили бы словами своего поэта-земляка Андрея Ардашева, издали

ностальгирующего по родному городу: *Здесь площади пылают, / А села вымирают / В условиях растерянной страны. / За счет чего – не знаю – / Поселки выживают! / Столицы – столь надменны и важны... / Но даже в дальнем крае / Я Шостку вспоминаю! / И только с самой лучшей стороны!..*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.